

ПАСТВА

ЕГОР ТОКАРЕВ

16+

Егор Александрович Токарев

Паства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774653

SelfPub; 2020

Аннотация

Бессердечная судьба раз за разом наносит удары по жителям крошечного городка в сельской глубинке. Отчаявшиеся люди посещают церковь в надежде, что Господь ответит на их молитвы. Но что делать пастору, постепенно теряющему веру? Как помочь своей пастве, как сохранить ясный рассудок, не увязнув в безумии и грехе?

Егор Токарев

Паства

I. «Проповедь»

Сперва черная рубашка, она символизирует, что пастор – это раб Божий, затем белая колоратка под воротник, обозначающая святость и чистоту, и, наконец, темный пиджак, не слишком строгий, скорее свободного стиля, должный подчеркнуть дружеский настрой мероприятия. Ко всему прочему, уже второй месяц стояла сильная жара и более официальный стиль доставил бы ощутимые неудобства. Впрочем, в последнее время казалось, что все вокруг было настроено против жителей крохотного поселения под названием Лим. Непрерывающаяся череда неудач и неприятностей продолжалась уже несколько лет: то местная шахта обвалится, похоронив под тоннами камня и песка полдюжины человек, то засуха не позволит колосьям пшеницы пожелтеть и созреть, после эта же засуха убьет скот местных жителей, оставив людей без работы и надежды на будущее. Постепенно одно накладывалось на другое, и к тому моменту груз трудностей напоминал чугунный пресс на фабрике. Паровые машины наращивали давление, и многотонная громадина давила все сильнее. Многие считали, что черная полоса в жизни Лима рано или поздно закончится, что неудачи не могут вечно преследовать трудолюбивых добрых христиан, но другие

были более дальновидны. Население год от года все сокращалось, и если злой рок, нависший над этим местом, не отступит, то Лим рискует превратиться в одно из сотен поселений-призраков, раскиданных по всему западному побережью.

Амброз Магнер – мужчина зрелых лет с черными как смоль волосами был пастором этого угасающего края. Своей гордой осанкой, прямым ясным взглядом и сильным, звонким голосом ему всегда удавалось ободрить и поддержать угасающий дух жителей Лима. Вот и в тот день пастор Магнер подготовил проповедь, должную вдохновить и раскрыть сердца людей, доверившихся ему, для Божьей милостыни.

Судя по шуму и переговорам, все уже собрались. Это воскресенье должно было стать началом перемен к лучшему, поскольку последние несколько недель выдались особенно трудными.

Амброз покинул небольшое внутреннее помещение церкви и взошел на трибуну в главном зале. Потерев шершавую поверхность деревянной кафедры за которой стоял, он поднял взгляд на людей, собравшихся перед ним.

Он знал каждого из них, знал о их проблемах, о их переживаниях и мечтах. Знал, что гложет каждого из его прихожан. Магнер чувствовал присутствие распятия на стене за ним, это придавало ему уверенности и вселяло новый смысл в речи, произносимые с этого места.

Амброз начал говорить. Губы сами собой чеканили обод-

ряющие слова, а его взгляд продолжал скользить по залу и лицам людей, сидящих перед ним. Два десятка человек пришли сегодня на проповедь. Некоторые были сонные, другие увлеченные, а третьи отстраненные, словно находились где-то в другом месте далеко от сюда.

На первом ряду слева сидел старик Филч. Настороженный взгляд его подслеповатых глаз внимательно изучал лицо пастора. Иногда, после очередного предложения проповеди, он задумчиво крякал. За предидущий месяц старик сильно сдал и теперь не мог передвигаться без посторонней помощи. По обе стороны от него сидели Альма и Роберт – дети мистера Филча. Они думали о своем, не обращая никакого внимания на действие вокруг.

В середине зала внимание привлекала другая группа. Фрэнк Гривз – глава семейства выглядел крайне усталым и измотанным. Насколько знал Амброз, его работа на пожарной станции хоть и приносила приличные деньги, требовала огромных физических и моральных усилий, а постоянное напряжение не могло не сказаться на психологическом состоянии мужчины. Почти черные круги под глазами напоминали следы от угольной пыли, а надрывные приступы кашля подтверждали удачность подобного сравнения. Фрэнк не любил ходить на проповеди, даже не пытаясь скрывать это. Между приступами кашля, он то и дело зевал, всем своим видом выражая отношение к подобным религиозным ритуалам.

Его жена Сюзи являлась полной противоположностью супруга. Слишком увлеченная словами пастора, слишком красивая как для этого захолустья, так и для своего мужа и такая несчастная. Амброзу казалось, что по цветам мешков под газами он уже практически безошибочно научился определять их причины. Совсем черные – от работы или душевных терзаний, не дающих покоя, сине-желтые – от выпитого накануне виски, а сине-серые, как сейчас у Сюзи – от ливня слез, пролитых в прошлую ночь.

Между супругами сидел мальчуган. В прошлом месяце Дэнни исполнилось двенадцать. В тот день вечно бледный и болезненный ребенок был по настоящему счастлив. Родители не орали друг на друга, отец был в добром расположении духа, подарив сыну небольшую лошадку из песочного печенья, а мать испекла великолепный шоколадный торт на запах которого слетелись все осы в округе. Опасаясь за свое «сокровище», Дэнни в один присест съел его. Сейчас мальчуган сидел на проповеди, усиленно над чем-то размышляя. Умный не по годам он всегда вызывал у Амброза радость. Время от времени пастор думал о том, чтобы самому взяться за его воспитание, но все ограничивалось мыслями перед сном и туманными планами.

За Гривзами сидело существо. Пастор Магнер не привык судить по человеку из-за внешности, но Генри нельзя было описать по-другому. Вечно грязный, худой как жердь человек с заросшим грязно-рыжей щетиной лицом и тусклыми

ми серыми глазами сидел на скамье, сложив кисти в молитвенном жесте. Заскорузлые желтые руки дрожали в такт губам, повторяющим слова проповеди. Генри был примером опустившегося человека, когда-то имевшего достаточно для честной безбедной жизни, но теперь прозябающего в нищете и пьянстве. Амброз размышлял, что же побудило его искать счастье на дне бутылки и после недолгих размышлений понял – одиночество. Мистер Эйнли умел работать, и его сноровистые на любое дело руки (теперь пораженные тремором) были предметом гордости и похвалы. К несчастью, жена Генри погибла в страшном пожаре, и с тех пор незаживающая рана на сердце вынуждала его искать отдохновения в «огненной воде».

Магнер вновь перевел взгляд на Сьюзи Гривз. Огненно-рыжие волосы тугой копной ниспадали вниз на тонкие плечи, а зеленые глаза были устремлены прямо на него.

«Надо будет поговорить с ней» – подумал Амброз.

Он еле заметно кивнул, женщина ответила тем же.

– И помните, Бог любит всех вас и испытание, которые он посылает нам, должны лишь укрепить веру во спасение! – Амброз произнес последние слова проповеди и остановился, тяжело дыша.

Подождав несколько секунд он добавил:

– Благодарю всех за то, что пришли! Хорошего вам выходного дня!

Прихожане начали вставать со скамей и продвигаться к

выходу. Амброз не знал помогла ли проповедь людям в трудный час, но искренне на это надеялся.

Сюзи Гривз на секунду остановилась, что-то шепнула недовольному мужу и осталась в церкви, увлеченно разговаривая с миссис Бишоп – заведующей местной бакалейной лавкой. Супруг хмыкнул и, заложив руки в карманы просторной куртки цвета хаки, вышел на улицу. Маленький Дэнни поплелся за ним. Магнер, проведя рукой по кафедре, двинулся к выходу из церкви.

Заметив пастора, женщина быстро завершила разговор с подругой и повернулась к нему.

– Здравствуй, Сюзи, как ты? – Амброз улыбнулся.

– Пастор Магнер, мне нужно с вами поговорить, – прошептала женщина.

– Да, конечно, идем.

Магнер повел Сюзи во внутренние помещения церкви, где жил сам. Во время недолгого путешествия она не произнесла ни слова, напряженно размышляя над будущим разговором, или подбирая нужные слова из давно заготовленного текста. Пастор пропустил женщину вперед, закрыв за ней дверь.

– Я хочу уехать, Амброз, – с ходу начала она, опустив всякие предисловия и обсуждение окольных тем.

– Все так плохо?

– Это не жизнь! Это даже не существование, а жалкое прозябание в этой дыре! Я больше не могу тут находиться, про-

сто не могу, еще неделя и, видит Бог, я повешусь прямо на дереве перед домом!

– Не смей говорить такое в доме Господа! – пастор слегка повысил голос, от чего тот загремел под потолком.

Сюзии мигом затихла, и начинающаяся истерика была подавлена в зародыше.

Женщина глубоко вздохнула, взмахнула роскошными пламенными волосами и окончательно успокоилась.

– Что случилось? – уже более деликатно спросил Амброз.

– Вчера Фрэнк был не в духе, на станции что-то случилось и все повесили на него. И как обычно, злобу на весь белый свет он вымещает на мне! Словно во всех его неудачах виновата именно я! Да он нашу собаку больше любит и ласкает, чем меня, а я женщина, и мне нужно внимание, забота и любовь! Не помню когда последний раз он называл меня «дорогой» или хотя бы просто делал комплименты! – она перевела дух и продолжила уже более спокойно. – Я уезжаю отсюда, Амброз. Думаю, что на следующей недели меня уже не будет. Поеду в Нью-Йорк или Лос-Анджелес, еще не решила. Ты ведь знаешь, я могла стать киноактрисой, если бы не познакомилась с Фрэнком и не родила...

Магнер внимательно слушал, и когда женщина перестала говорить спросил:

– Что с Дэнни?

– А?

– Дэнни, твой сын.

– Да... он останется с отцом. Не смотря на все, Фрэнк достаточно зарабатывает и сможет его обеспечить.

– Ты оставишь своего сына с тем человеком, о котором сказала столько плохого?

– Послушайте, пастор Магнер, – голос женщины стал надменным и практически сочился желчью. – Я ценю вас за то, что вы всеми силами стараетесь помогать своим прихожанам во всем, но *прошу вас*, не лезьте не в свое дело.

Амброз отстранился, сложив руки на груди.

– Зачем же ты пришла ко мне, если не за советом?

– Я пришла чтобы попросить об одолжении. Не могли бы вы присмотреть за Дэнни в мое отсутствие, чтобы Фрэнк не перегибал палку, и с ним все было хорошо?

– Как у твоего сына может быть все хорошо, если его мать бросает свою семью ради призрачного шанса стать кем-то в этом жестоком мире? Ты хочешь переложить свою ответственность на меня, чтобы тебя совесть не мучила в солнечной Калифорнии? Да, Сюзи?

– Да или нет, пастор!?! Я прошу лишь ответа на мой вопрос!

– Я служитель Господа и не могу оставить твоего сына без заботы в те трудные времена, которые ему предстоят, но все же попробую отговорить тебя от этой безумной идеи.

– Спасибо.

Сюзи, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты и устремилась к выходу из церкви.

«Господи, почему люди настолько невежественны и глупы до своих низменных желаний, что забывают о благе близких им людей?» – задал вопрос пастор, но он остался без ответа, впрочем, как всегда.

Амброз потерял предплечье левой руки и отправился в главный зал церкви. Он успел застать выходящую Сюзи. За открывшейся дверью вспыхнуло голубое небо.

«Надо выйти подышать» – подумал он.

Пастор прошел по залу и, на секунду задержав взгляд на кафедре, вышел из здания. Солнце светило на бирюзовом небе, освещая все вокруг теплым желтым светом. Амброз глубоко вздохнул солоноватый сухой воздух. Все вокруг пахло пылью и песком, словно в пустыне, последние годы окрестности усыхали, и некогда плодородный край превращался в тусклую пустошь, населенную такими же тусклыми людьми.

Кто-то за спиной Магнера осторожно прокашлялся, привлекая внимание. Амброз обернулся. В нескольких метрах от него стоял старик, оперевшись плечом на стену церкви, покрытую белой облупившейся краской. На первый взгляд было сложно определить сколько ему лет. Острая борода, отливающая на солнце искристым серебром, обрамляла усохшее лицо, испещренное узором мелких морщин. Создавалось впечатление, что сами черты лица состояли из прерывистых линий и неглубоких надразов, они не позволяли рассмотреть старика во всех подробностях. Взгляд, словно сам

собой, соскальзывал вниз или перемещался на другой объект в поле зрения, не желая застыть на лице собеседника дольше, чем на несколько секунд. Пучок все тех же серебристых волос на голове дополнял столь гротескный вид.

– Пути Господни неисповедимы, верно, пастор? – проговорил старик чистым и звучным голосом, никак не вязавшимся с его наружностью.

– Истинно так, – ответил Амброз, слегка растерявшийся от подобного начала разговора.

– Я тоже так раньше думал, но опыт и мудрость излечили меня от подобных предрассудков.

– Простите, мы не знакомы, и в Лиме я вас раньше не видел. Вы приезжий?

– О, прошу прощения, как невежливо и неучтиво с моей стороны! Мое имя Альфред Соломонс и, пожалуй, да, я приезжий, – взмахнул он рукой. – С тех пор как я был здесь последний раз, это место изменилось настолько сильно, что кажется будто это два разных поселения. Хотя, и я уже совсем не тот...

– У нас сейчас не лучшие времена, но все наладится благодаря трудолюбию и вере.

Почему-то Амброзу было некомфортно разговаривать с этим типом, все в нем было странным и непохожим на обычных людей, с коими пастор общался каждый день. Внешность глубокого старца никак не соответствовала живости движений, а одежда, даже в таком захолустье как Лим, наве-

вала вспоминая о прошлом.

– Какие слова, какой настрой! Вашим прихожанам очень повезло, вы действительно хороший священник, если они верят во все эти пустые слова и ритуалы, должны облегчить им жизнь, но на деле лишь занимающие драгоценное время вашего недолгого века.

– А вы не верите в Бога?

– Нет, что вы! Я истинно верующий, можно сказать, что кроме меня практически нет людей так же преданных служению, как я.

– Что-то я вас не понимаю, – в конец запутался Амброз.

– Не беспокойтесь, вы поймете, у нас еще будет время поговорить. Надеюсь, вы не будете против?

– Конечно, нет. Я всегда готов побеседовать и помочь, если это будет в моих силах.

Старик кивнул и пружинистым шагом пошел прочь от церкви. Магнер минуту смотрел ему вслед, потирая предплечье, потом развернулся и отправился обратно в свою обитель.

Как только дверь за ним закрылась, пастор согнулся пополам, хватая ртом воздух. Мысли метались в его голове рассерженными шершнями, а слова, утешавшие его в такие моменты, казались бессмысленными и пустыми. Он должен был быть лучем света для своих прихожан. На отбелки этого светоча отчаявшиеся люди должны были идти в поисках утешения и поддержки, но как он может быть им, если сам

чувствует, что скатывается в пучину мрака и сомнений вместе со своими прихожанами? Молитвы всегда оставались без ответа, люди вокруг страдали и погибали, а он ничего не мог сделать.

Амброз оперся о край деревянной скамьи, его плавающий взгляд остановился на большом распятии в противоположном крае церкви.

«Когда я был готов провалиться в самую темную бездну, ты помог мне и дал свет, за которым я следовал все эти годы. Почему сейчас я не вижу его? Неужели он погас для меня... или я стал слеп... или...»

Амброз встал и пошел в часть церкви, служившую ему домом.

Вечером он молился. Молился за то, чтобы страдания людей вокруг прекратились, за благополучие маленького Дэбби и за избавление себя от греховных мыслей. Чтобы занять руки Магнер вырезал распятие из куска ссохшейся древесины, словно символ, сделанный своими руками, мог помочь вернуть веру человеку, почти утратившему ее.

II. «Засуха»

Последние дни Амброз плохо спал. Странные видения тревожили его разум по ночам, от чего пастор не мог отдохнуть и постоянно чувствовал себя усталым. Ко всему прочему, тот странный старик – мистер Альфред Соломонс, никак не выходил из головы. Его странные слова, казалось, противоречащие сами себе, обладали неким сакральным смыслом

и помимо воли воли вертелись в мозгу.

В один из дней пастор, как обычно, покупал продукты в местном магазине. Когда он уже расплачивался за покупки, в лавку вошла Сюзи Гривз. Увидев Амброза, женщина развернулась и быстро покинула здание. На ней были темные очки, скрывающие половину лица, и пастор слишком хорошо знал, что это обозначает. Он взял покупки и вышел на улицу.

– Сюзи постой.

Женщина остановилась, пройдя всего пару шагов прочь от крыльца продуктовой лавки, и резко развернулась.

– Что вам нужно, пастор Магнер?

– Опять?

Вместо ответа она сняла очки, под ними, как и ожидалось, обнаружился большой синяк, перекрывающий половину левого глаза, от чего тот практически закрылся.

– Я поговорю с ним сегодня.

– А какой смысл? Думаешь он пропитается христианской любовью и просто отпустит меня?

– Ты рассказала ему о своих планах?

– Конечно же нет! Он бы убил меня! Я намекнула, что хочу поехать в Нью-Йорк на пару недель, чтобы попробоваться в роли, но он и слушать ничего не хотел! Решил, что я хочу бросить его, свинтив в другой город!

– А разве это не так?

Сюзи открыла рот и несколько минут хватала ртом воздух, не зная, что сказать.

– Да... но...

– Давай, я зайду сегодня к вам и поговорю с Фрэнком, попробую помочь.

– Не думаю, что получится хоть что-то сделать.

– Я все же попробую, – сказал Амброз и направился в церковь.

Стук в дверь отвлек Магнера от изучения Библии, в которой он наделся отыскать слова для будущей беседы с четой Гривз. Амброз поднял взгляд от кафедры, на которой лежала книга, но стук не повторился, и никто не появился.

Церковь всегда представлялась ему местом, куда человек мог войти в любой час, не страшась ни осуждения, ни порицания, местом, где каждый мог найти душевное отдохновение и поддержку. Пастор захлопнул книгу, бессознательно провел рукой по шершавой поверхности кафедры и пошел к двери.

С улицы пахло застоявшимся перегаром, перемешанным с запахом давно не чищенных зубов. Уже стемнело, и Амброз по началу не понял кто перед ним. Человек стоял, прижавшись к створке двери, от чего тень полностью скрывала его лицо.

– Добрый вечер, пастор Магнер, мне можно войти?

Это был Генри – тот самый человек, утопивший свою жизнь в бутылке с выпивкой.

– Конечно, тебе не нужно спрашивать у меня разрешения. Это дом Божий, и не мне решать кому следует здесь нахо-

дится, а кому нет. К тому же, я рад видеть тебя, – улыбнувшись, ответил Амброз, потирая левое предплечье.

Они прошли вглубь церкви и сели рядом друг с другом на скамью в первом ряду. Находиться так близко с ним было непросто. Казалось, будто Генри каждой клеточной своего тела, каждой порой на коже источал запах дешевого виски, который сам и гнал. От подобного соседства у Амброза нос готов был свернуться в трубочку, но он терпел.

Генри никак не решался заговорить. Он открывал рот, как бы пытаясь произнести хоть что-то, но тут же со стуком его захлопывал, потирая горло. Его взгляд был устремлён на распятие перед ним, тусклые зрачки посреди сухих желтых белков глаз смотрели выжидающе и недоверчиво.

– Что тебя гложет? – Амброз решил нарушить молчание так, как знал, что заговорить первым для Генри было также сложно, как не выпить за ужином. К тому же, пастору еще надо было успеть к семье Гривз, а молчание посетителя могло нарушить эти планы.

– Помогите мне, – наконец прохрипел Генри. – Я скатываюсь в ад...

– В ад попадают лишь после смерти, – помедлив пару мгновений, ответил Амброз.

– Я уже там, просыпаясь каждое утро, я чувствую, что горю, словно все мое тело объято адским пламенем, и оно горит, выжигая мои внутренности.

– Тебе надо бросить пить, или ты умрешь, и тогда уже бу-

дут решать куда ты попадаешь.

– Я хочу! Видит Бог! – Генри осекся, бросив быстрый взгляд на распятие, и заговорил тише. – Я пытаюсь, но не могу... Эта пучина засасывает меня все сильнее, уничтожая мое тело, а вместе с ним и душу. Утром я клянусь себе, что больше не возьму в рот ни капли, но к вечеру вновь пью и за это себя проклиная. Я не могу остановиться! – снова почти прокричал он.

– Ты должен собрать все свое мужество и побороть этого демона, с верой и ежедневной молитвой. Я тоже буду за тебя молиться, Генри, – сказал Амброз.

– Да, да, да, – горячо заговорил посетитель. – Именно об этом я вас и прошу. Молитесь за меня, пастор Магнер, молитесь за меня, ибо мои молитвы Он не слышит... Но я не в обиде. Я понимаю, что Богу нет никакого дела до такого человека, как я. Не думаю, что он вообще знает о моем существовании. Не думаю, что у меня вообще есть хоть какое-либо право просить его о чем-то...

– Нет, Генри, ты не прав. Бог любит всех, он слышит всех, он любит каждого из своих детей и посылает нам испытания лишь, чтобы укрепить веру. Молись и ты будешь услышан.

– А вам он отвечает, пастор Магнер?

«Нет, ни разу не отвечал...» – подумал Амброз.

– Бог не обязан отвечать, ты должен верить в него и тогда спасешься.

Несколько минут они сидели молча. Посетитель буравил

взглядом старые доски пола, а пастор смотрел на распятие и кафедру для проповедей перед ним.

– Спасибо вам, пастор Магнер, мне стало намного лучше, – сказал Генри, вставая со скамьи.

– Я рад, что смог тебе помочь. И помни, ты можешь приходить в любое время, когда только почувствуешь, что нуждаешься в этом.

Посетитель кивнул и пошел к выходу.

Амброз еще несколько секунд постоял напротив распятия потом, бросив быстрый взгляд на кафедру, покинул церковь.

Жилище семьи Гривз находилось на отшибе Лима. Небольшой домик стоял на огороженной невысоким забором территории, повсюду вокруг была сухая земля, лишь изредка населенная низким кустарником с серо-зелеными листьями на ветках. Рядом, всего в сотне метров от него, находился карьер с осыпающимися песчаными краями. Раньше его использовали для выработки какого-то металла, но после истощения месторождения карьер не засыпали, а просто бросили. Со временем, зыбкие стенки осыпались, и уродливый «шрам» расплзался во все стороны, словно раковая опухоль по телу. Редкая растительность не могла удержать его распространения и погибала в песчаном плену, каждый раз, когда стенки трескались и осыпались. С каждым годом сыпучий рубец все ближе подбирался к дому семьи, угрожая уже в обозримом будущем поглотить его.

Почти стемнело, и в красном свете утопающего солнца

пейзаж вокруг выглядел нереальным, словно во сне. Но не в добрых ночных грезах, а в кошмарах, где человек оказывается посреди апокалипсиса, преследуемый порождениями тьмы. Воздух был сухой и горький. Он с трудом проникал в легкие во время вдоха и также с трудом покидал его, оставляя после себя ощущение, словно дышал парами свинца.

В прошлые визиты к семье Гривз первым делом Амброза встречал радостный лай пса. Джек был из той самой породы, созданной из десятков или даже сотен других, смешанных разгульством бродячей жизни на улице. Его подобрали еще щенком, и с тех пор для Дэнни он стал не просто другом, а полноценным членом семьи. Последний ребёнок его возраста покинул Лим три года назад, и с тех пор мальчик был лишен общения со сверстниками, так необходимого в его возрасте.

Амброз подступил к двери дома и негромко постучал. Изнутри лилась музыка, смешанная с разговорами. По голосам пастор узнал Фрэнка и Сюзи, а по повышенному тону – характер общения. Похоже, сегодня вечером супруг вновь был не в духе после тяжелой рабочей смены, а женщина недовольна его пренебрежительным отношением к ее желаниям.

Амброз постучал громче, уже кулаком, а не костяшками пальцев. Послышался лай пса, (похоже собака была в доме) голоса стихли и через несколько секунд слышались быстрые шаги, приближающиеся к двери. Петли скрипнули, и в небольшом проеме появилось лицо Сюзи. Она специально

выглядывала неповрежденной стороной лица, чтобы не разглашать семейные проблемы случайному гостю, хотя в Лиме не было человека, не осведомленного в сложных отношениях между супругами Гривз.

– Пастор, это вы... – начала Сюзи, но потом понизила голос и добавила. – Сейчас не лучшее время, зайдите завтра.

– Нет, я хотел бы поговорить с вами сегодня.

Женщина, не говоря больше ни слова, распахнула дверь и пошла в глубь дома.

Оттуда слышались голоса. Амброз, закрыв за собой дверь, двинулся в направлении музыки.

Гостиная дома представляла собой довольно большое помещение, обклеенное порядком пожелтевшими бежевыми обоями с рисунком из вертикальных линий. Посреди комнаты стоял диван из посеревшей бардовой ткани. Рядом с небольшим очагом, по правде являющимся обыкновенной стальной печью, располагался столик со стареньким транзистором. Именно оттуда и звучала незатейливая мелодия, перемежающаяся помехами и потрескиваниями старого динамика.

Глава семьи сидел на большом темно-зеленом кресле с откидной подставкой для ног и без особого интереса слушал жену. Сюзи увидела пастора и, окинув того взглядом, ушла на кухню, откуда сразу же донесся шум воды.

Фрэнк Гривз не обратил никакого внимания на вошедшего гостя, оставаясь в прежней позе. Его взгляд был прикован

к печи. В открытом окошке, куда необходимо было подкладывать дрова, пылал огонь, изредка вырываясь наружу и облизывая язычками пламени поверхность вне его вотчины.

– Добрый вечер, Фрэнк, – начал Амброз.

– И вам не болеть, пастор, – прошептал мужчина.

Он согнул ноги, от чего подставка со щелчком вошла в кресло, и приподнялся со своего места. Магнер приосанился, приготовившись встретить своего прихожанина взглядом, отработанным за годы служения. Одновременно осуждающим и грозным, но в тоже время говорящем, что искупление возможно, стоит лишь только захотеть. Но вместо того, чтобы наконец повернуться к гостю, глава семьи Гривз лишь взял полено из кучи рядом с его креслом и с видимым удовольствием, положил в печь. Пламя чуть не лизнуло его пальцы, но Фрэнк не выказал ни единого признака неудовольствия. Наоборот, он вновь откинулся в кресле, продолжив наблюдать за пламенем.

Амброз потерял терпение и вышел вперед, встав слева от печки.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Так говори, пастор, я слушаю.

– Меня беспокоит ваши отношения со Сьюзен.

– Да? – Фрэнк отвел взгляд от пламени в печи и посмотрел на Амброза. – И почему тебя беспокоят *мои* отношения с *моей* женой?

Во взгляде главы семьи отражались языки пламени. Они

плясали в такт дыханию, словно жили не в печи напротив, а прямо в его черных зрачках, обведенных бесцветной серо-ватой радужкой.

– Ты, Сьюзен и Дэнни – мои прихожане, и я беспокоюсь, когда у моих прихожан проблемы.

– Ах, беспокоитесь? А тебя не беспокоит, что моя жена решила бросить меня и уехать черт знает куда, искать то сама не знает что? Тебя это не беспокоит? – повторил он. – Но стоит мне только поговорить с женой и вправить ей мозги на место, так ты тут как тут, готовишься читать мне нотации и проповеди!

Фрэнк встал с кресла и теперь возвышался над пастором, словно скала над путником.

– Насилие – это не выход, нужно разговаривать друг с другом и вместе решать проблемы.

– А как разговаривать с человеком, который убежден, что именно *ты* являешься причиной всех неудач в ее жизни, причиной того, что ты вынуждена готовить обед на кухне вместо того, чтобы ужинать в дорогом ресторане за счёт очередного поклонника, а потом трахаться с ним в номере отеля? Может вы мне скажете ответ на этот вопрос, пастор?!

– Своими действиями ты лишь убеждаешь ее в этом! – вспылил Амброз, но тут же пожалел об этом.

– Что!? Я работаю по двенадцать часов только ради нее! Чтобы она могла позволить себе все, что только пожелает! Но как она платит за мою доброту? Предательством и скры-

той ненавистью! Ночью, когда мы лежим на кровати, когда мы занимаемся сексом, я не чувствую, что сплю с женой! Рядом со мной лежит шлюха, только и желающая, чтобы я побыстрее кончил и заснул, чтобы после горько рыдать в подушку и молиться всем Богам лишь бы не забеременеть от собственного мужа, – ДА, СЮЗИ! – заорал Фрэнк, повернувшись в сторону кухни.

Оттуда раздался звон стекла.

– Я же говорю, – удовлетворенно хмыкнул глава семьи.

– Бог говорит нам, что мы должны любить ближнего своего...

– Бог, Бог, Бог, да насрать мне на твоего Бога, я его не видел, он мне не помогал, и с чего я должен следовать за словами, написанными черт знает сколько лет назад неизвестно кем?

– Послушай...

– Нет, это ты послушай, – Фрэнк приблизился вплотную к пастору. – Я хожу на все эти проповеди, слушаю эти пустые речи, но на этом все. Не лезь в мою семью и в мою душу.

– А как же Дэнни? – воспользовался своим последним аргументом Амброз.

– А что с ним? – не понял Фрэнк.

– Как по твоему все это сказывается на нем, думаешь именно в такой атмосфере должен воспитываться ребенок?

Фрэнк кивнул.

– Поверь, через года он будет благодарен мне за то, что я

не скрывал от него мир, показывал ему жизнь такой, какая она есть на самом деле.

– Что же, это твое право... Я могу с ним поговорить?

– Валяй, – глава семьи вновь уселся в кресло и уставился в огонь.

Покинув гостиную, Амброз пошел в направлении детской, ориентируясь на воспоминания расположения комнат в доме. Спрашивать у Фрэнка не было никакого желания, и пастор решил, что лучше потеряет лишнюю минуту в поисках, чем получит еще порцию оскорблений в свой адрес.

К удивлению, нужную комнату он нашел сразу. Еще подходя к детской, пастор услышал ворчание собаки и детские выкрики, изображающие взрывы и ружейную стрельбу. Амброз острожно заглянул в комнату.

Посреди нее, на порядком вытертом ковре, ровными рядами держали оборону оловянные солдатки в синих мундирах времен Гражданской Войны. Полки вели слаженную стрельбу (озвучиваемую лично генералом и предводителем) по огромному косматому зверю, крушащему их ряды. Целые роты гибли под лапами этого ужасного чудища, но их товарищи продолжали огонь.

– Целься! Пли! – двенадцатилетний предводитель командовал своим людьми, заложив руку за край пижамы, словно Наполеон Бонапарт в битве под Ватерлоо.

От сокрушительного залпа косматый «монстр» по кличке Джек рухнул на пол и, перевернувшись на спину, весело за-

вилял хвостом, всем своим видом изображая полную капитуляцию. Дэнни, будучи добрым к побежденным, со смехом покинул оборонительные позиции и принялся чесать недавнему непримиримому противнику животик.

Амброз прокашлялся, привлекая внимание.

– А, это вы, пастор Магнер, извините я вас не заметил.

– Ничего страшного, – сказал он, заходя в центр комнаты. – Я присяду?

– Конечно, – ответил Дэнни, не переставая чесать пузо псу.

– Спасибо, – Амброз присел на край кровати, сложив руки на коленях. – Как ты?

– Хорошо, – односложно ответил мальчик. – Пастор, можно задать вам вопрос? – он поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза Амброзу.

– Ну конечно, спрашивай, – Магнер немного опешил от подобного начала разговора. Обычно не слишком разговорчивый Дэнни редко задавал вопросы, предпочитая постигать все своим умом без посторонней помощи.

– Все, что вы говорили на проповеди – это правда?

– Ну конечно... – Амброз все же потер предплечье. – А почему ты спрашиваешь?

Джек поднялся с пола и, виляя хвостом, убежал в другой край комнаты, где уютно свернулся калачиком и мгновенно задремал.

– Вы говорите, что Бог всегда рядом с нами, что он в каж-

дом из нас, но я этого не чувствую. Разве мы не должны чувствовать его присутствие, чтобы знать наверняка?

– Надо верить Дэнни, в этом смысл. Если ты веришь, что он с тобой, значит так и есть.

– Не понимаю, – помотал головой мальчик. – Но если ты не веришь, значит, нет? А куда попадают после смерти неверующие? Сразу в ад, или для них есть особое место?

– Каждый человек может попасть в рай, если прожил праведную жизнь и покаялся за свои грехи.

Мальчик на минуту замолчал, заново расставляя поверженных солдат, готовясь к следующей битве.

– Родители стали больше ругаться в последнее время, – заговорил он, когда очередной полк вернулся в строй. – Когда они снова начинают кричать, я иду гулять. Мне нравится ходить под звёздами и воображать, что в один момент меня подхватит неведомая сила и притянет на Марс, прямо как Джона Картера в журнале, который я недавно прочитал. Там я буду сражаться с чудовищами, пировать с друзьями и спасать прекрасных принцесс, как он. Я хочу верить в это, а не в Бога, значит я грешен и после смерти попаду в ад?

Амброз пошарил руками по карманам своего пиджака и после недолгих поисков достал деревянное распятие, которое собственноручно вырезал прошлой ночью.

– Держи, – он передал его мальчику. – Пусть он будет у тебя. Приходи в воскресенье на проповедь, я отвечу на все твои вопросы. Боюсь, что твой папа не слишком рад моему

приходу, и я не хочу тревожить его нашим затянувшимся разговором.

– Хорошо, до воскресенья, пастор Магнер.

Он сбежал. Сбежал потому-что не знал ответы на вопросы, на которые с легкостью ответил бы любой другой пастор. Вместо слов утешения он сунул мальчику плохо обструганную деревяшку и в спешке покинул дом. Амброз мог рассказать Дэнни то, во что сам верил когда-то давно, но это были бы ложные, пустые слова, не обремененные никаким смыслом, обреченные повиснуть в воздухе, словно пар из пробитого котла паровоза.

«О, Господи, неужели я окончательно потерял веру в тебя? Неужели я больше никогда не смогу забыться в блаженном забытии, зная, что ты со мной, что я под твоей защитой?»

Магнер шел в свою церковь, ночь была светлой, и луна освещала все вокруг своим призрачным светом, ставя под сомнение существование этого мира. Словно все вокруг являлось сном, и стоит только проснуться, чтобы этот кошмар наконец-то закончился.

Пастор стал вспоминать, как пришел к Богу, в тайне надеясь, что мысленно вернувшись к этому моменту, вернется и к Господу.

Годы назад, умирая от передоза в одном из притонов Нью-Йорка, у него была другая вера. Тогда именно наркотик был для Амброза Господом Богом и покровителем тем, кто уте-

шает в трудные моменты и помогает, когда нужно забытья.

Все изменилось после того, как он обнаружил девушку, которую любил, лежащей на грязных газетах в луже собственной мочи и блевотины с раскрытыми в блаженстве остекленевшими глазами. Его Господь обернулся для нее смертью и вечным проклятием для Амброза.

Лицо Джессики и сумасшедший бег по ночным улицам навсегда врезались в память пастора Магнера. Повсюду были люди. Они смотрели с ужасом и нескрываемым отвращением на грязного наркомана с безумными глазами, несущегося по тротуару, падающего на пешеходных переходах и сбивающего случайных прохожих. Их ненависть лилась со всех сторон, и Амброс кричал, кричал и изо всех сил, надеясь криком исторгнуть из себя все, что делало его человеком и стать пустой оболочкой, не обремененной чувствами, куском древесины, не способным думать.

Он очнулся в церкви. Амброс сам не знал почему в порыве безумия прибежал именно туда, возможно, это было первое место рядом с которым не было ненавистных взглядов, но, возможно, что сыграл некий инстинкт, требующий искать помощи у высших сил, когда силы человеческие полностью иссякли.

И ему действительно стало легче. По прошествии нескольких лет он уже сам помогал людям, а его зависимость была навсегда спрятана в глубинах создания. Но сейчас он вновь чувствовал пустоту в своей душе, и она засасывала его,

навевая тревогу и обреченность.

Пастор брел по Лиму, разрывааемый своими мыслями, когда у входа в церковь заметил того самого старика, с которым познакомился пару дней назад. Он сидел на лавочке рядом со зданием, устремив взгляд в небо. Как и тогда, он был одет во все черное, но теперь под светом луны облачение делало его похожим на призрака. Серебристое сияние ложилось на рисунок морщин на его лице, от чего оно казалось неживой маской на подобии тех, что использовали в немых театров востока для изображения демонов.

– Человек не есть разумнейшее или древнейшее из созданий, наделенных мышлением, но он есть самое горделивое из них, ведь только люди могли создать себе Богов из собственных мечтаний и желаний...

– О чем вы? – задал вопрос Амброз. Он практически уверил себя, что старик ему мерещится и вздрогнул, когда маска морщин задвигалась, исторгая слова.

– О тебе, о нас...

– Я вас не понимаю...

– Нет, ты прекрасно понимаешь о чем я. Ведь ты чувствуешь в своей душе ту же пустоту, что чувствовал и я, когда ложь вокруг меня начала развеиваться, и истинный порядок вещей приоткрылся предо мной.

– Вы были пастором? – удивился Амброз. Он присел на край скамьи и принялся внимательно слушать.

– Да, и, как и ты, я искал Бога. Но в отличии от тебя я

искал его не внутри себя, а в мире вокруг. Я был в самых глубинах черного континента, в ужасных джунглях Амазонки, на островах Тихого океана, о существовании которых ты даже не слышал, я искал его повсюду...

– Какого Бога вы искали? – по лбу Амброза стекла струйка холодного пота, не смотря на теплую ночь, его колотил озноб.

– Того, кто действительно помогает людям, а не является лишь пустой обложкой. Ты же именно этого хочешь – помочь своим прихожанам?

– Откуда вы знаете?

– Брось, – старик ухмыльнулся. Его рот и губы напомнили одну гигантскую морщину. – Для этого не нужно быть Пинкертоном. Все написано у тебя на лице.

Магнер инстинктивно ощупал лицо, словно опасаясь, что под взглядом странного собеседника оно покроется сотнями трещин и мелких морщин, ставь копией лица мистера Солонса.

– При мне люди возвращались из небытия, целое африканское племя, вырезанное другими дикарями, восстало из праха, как ни в чем не бывало, ибо они остались верны обрядам, существовавшим еще до человека.

– Кто ваш Бог? – прошептал пастор Магнер.

– Что может значить имя на языке человека, если оно древнее самого человечества? *То не мертво, что вечность охраняет, Смерть вместе с вечностью порою умирает.*

– Я... я не знаю... – мысли Амброза были подобно рассерженным мухам над умирающим. Он отгонял их от себя, но они вновь возвращались, залепляя глаза, ноздри, уши своими копошащимися телами.

– Ничего, это нормально. Вот возьми, – старик Соломонс дёрнулся, и в его руке появилась небольшая книжица, обтянутая серой водянистой кожей. – В этом дневнике ты найдешь ответы на некоторые вопросы.

Церковь встретила Амброза тишиной и странным холодом. Раньше он ощущал здесь присутствие Бога, но теперь чувствовал лишь пустоту. Возможно, здесь всегда пусто, а он сам наполнял ее смыслом, веря в несуществующие идолы, сам создавая то, во что хотел верить. Раньше он не только верил сам, но и заставлял верить других. Но зачем? Он хотел помочь людям, даже не осознавая, что дает лишь пустые надежды и неосуществимые мечтания.

III. «Темнейший час»

Как я был слеп... почему не замечал очевидных вещей? Почему считал все несчастья проверкой веры, а не роком бессердечной судьбы? Почему я верил в того, кто ни разу не откликнулся на мои молитвы и ни разу не являл мне своих чудес?

Так начиналась первая запись в странном дневнике, переданном не менее странным человеком. Амброз проснулся поздно и сейчас сидел за столом в своей небольшой каморке в дальнем углу церкви и читал эти строки, написанные

серыми выцветшими чернилами на белой, словно пропитанной мышьяком, бумаге. С каждой записью он понимал, насколько же схожи его мысли с переживаниями человека, написавшего этот дневник многие годы назад. Дат на полях не было, но судя по состоянию рукописи, ей было не меньше полувека. Обложка из водянистой, даже слегка маслянистой на ощупь кожи, неприятно липла к рукам. И еще был запах. Непередаваемый и неизвестный. Это была смесь миндаля, сандалового дерева и коры, вымоченной в отваре из экзотических трав. Магнер никогда не чувствовал ничего подобного, и от незнакомых ощущений у него начинала кружиться голова.

Он пролистал несколько страниц и вновь вчитался в плохо различимые строки. Во многих местах листы были испорчены морской солью от чего часть повествования терялась.

Саргассово море.

После нескольких месяцев путешествия на корабле совместно с экспедицией «неразборчиво» ... островов, описанных в дневнике португальского мореплавателя Джэ..

Местная флора и фауна нетронута сопряжением с другими видами животных и растений, из чего можно ..., что все развивалось в изоляции, не контактируя с внешним миром.

Остров представляет собой небольшой клочок суши, на котором обитают пару сотен дикарей. Нас они не боятся ... проявляют интерес и дружелюбие, всячески нам помогая.

Вст... с главой их примитивного культа. По средством жестов и рисунков углем, мне удалось понять, что эти ... поклоняются странному Богу, спящему на дне моря. Завтра состоится некая церемония, где мне будет продемонстрирована его сила и власть.

На закате тело умершего прошлым ... старика завернули в водоросли, шаман проч... над ним несколько заклинаний, после чего серо-зеленый сверток опустили в море. Отлив быстро унес ... в океан. Не понимаю, что я должен был здесь увидеть? Подобная церемония похорон ... многим островитянам, даже на флоте мертвецов хоронят похожим образом.

Я не верю. На закате следующего дня все племя вновь вышло на пляж, где прошлым вечером проходила похоронная церемония. Какого же было мое ..., когда из морской пучины вышел юноша. Его тело было покрыто водорослями и выглядело очень склизким, слово у новорожденной рептилии. Аборигены приняли ... к себе и называли ..., которое до этого носил умерший старик. Самое странное, что внешне юноша как две капли походил на сильно помолодевшего старика, окончившего свой земной путь пару ... назад. Или не окончил, а начал заново?

Шаман рассказал о некоем ритуале, служащим платой за такое покровительство, но ... не понял в чем он заключается. Из туманных рисунков и жестов мне удалось определить лишь то, что он связан с ... рода и дикими оргиями

с кем-то или чем-то, но, похоже, подобное положение дел полностью устраивает островитян.

– Удивительно... – пробормотал Амброз. – Неужели такое возможно...

Настенные часы отбили двенадцать ударов. Дел на сегодня не было, и пастор продолжил чтение странного документа.

Патагония.

Туземная деревня, находящаяся за много миль от цивилизованных поселений, стала моей следующей целью. Из рассказов местных я понял, что там сохранились верования, своей древностью превосходящие все известные религии и культуры. Добраться туда было непросто, еще сложнее было найти проводника, согласившегося отвести меня, но все труды стоили этого. Заплатив изрядную сумму золотом местному жителю, я все же отправился в путь.

...Скудные посева, выращиваемые на практически голой земле, приносили небывалые урожаи, и деревенские жители могли не контактировать с другими поселениями. Видимо, именно поэтому там и сохранились нравы и обычаи, относящиеся ко времени зарождения человечества.

Человеческие жертвы – вот, что служило платой за столь небывалое процветание. Похоже, что ацтеки, тоже практиковавшие подобное, заимствовали свои кровавые ритуалы именно отсюда. Но в отличие от этой исчезнувшей цивилизации, местные жители не забыли нужных обрядов

и не смешали свои верования с сотнями других народов, обитающих в Южной Америке. Они сохранили и приумножили знания предков.

Я стал почетным гостем племени, но моего проводника схватили и убили, вырезав сердце из груди. Кровью окропили пашни и поле засеяли.

В той древней «стране» господствует Бог плодородия и, по всей видимости, местные только рады подобному «сотрудничеству».

– Боже мой, что за дьявольщина тут написана? – Амброз отставил дневник от себя.

Его сердце колотилось, а голова начала болеть. Магнер встал со стула и хотел пойти на кухню, чтобы приготовить кофе, но остановился и уложил книгу в ящик стола.

«Не совершаю ли я ошибку? Хороший пастор должен был сжечь подобную книгу, когда прочитал первые строки, почему я поступил иначе? Неужели я не считаю себя больше пастором и проповедником Господа?»

Внезапно Амброз осознал еще одну перемену в себе. Раньше имя Господа вызвало в нем чувство возвышенности и защищенности, каждый раз произнося его, он чувствовал присутствие Бога в своем сердце. Но теперь на него отзывалась лишь пустота, словно говоришь в пустой колодец без дна, где нет ничего, и даже эхо не ответит тебе.

Магнер вернулся к столу и вновь открыл книгу на случайной странице.

Вермонт.

По слухам, где-то в этих лесах скрываются древние руины, обладающие неведомой силой. По местным преданиям специально найти их не выйдет. Ищущий должен идти, пока вокруг не перестанут петь птицы, а животные не разбегутся в страхе и его спутником будет лишь тишина, сопровождающаяся глухими ударами сердца. После мнения разделяются. Часть поверий говорит о некоем «пороге», за которым обитает что-то древнее, другие о пристанище духов, постепенно сводящих с ума людей, находящихся там. Судя по моему опыту, в каждой из подобных версий существует частичка правды. Думаю, что в будущем мне стоит навеститься в те места, но пока у меня слишком много других зацепок, не столь туманных и размытых.

Амброз перевернул еще несколько страниц и наткнулся на одну из последних записей.

Раньше я думал, что все подобные ритуалы и верования – это происки дьявола, и после смерти люди, их отправляющие, попадут в ад. Теперь я понял, что все это не имеет значения. Дьявол был придуман людьми, поскольку для простого человеческого разума нужен был противовес Богу, олицетворяющему добро. На самом деле нет добра и зла, есть лишь силы, которым плевать на человека. Существуют способы задобрить их и привлечь на свою сторону, но не стоит думать, что помогают они за просто так. Человек нужен им для собственной выгоды, но это намного лучше,

чем пустые молитвы.

Амброз заметил, как странно мысли, будоражащие его сознание, находят отражение в дневнике, лежащим перед ним. Словно автора мучили те же сомнения, что сейчас разрывают и его душу.

– Пастор Магнер! – из зала церкви послышался голос.

Амброз встрепенулся, вернувшись в реальность из своих тягостных мыслей.

– Пастор Магнер! – кто-то настойчиво звал его.

Магнер спрятал книгу в ящик стола и вышел из своей ка-морки. В зале для проповеди его ждал Роберт Филч – сын мистера Филча, которого Амброз видел в прошлое воскресенье.

– Пастор Магнер, мой отец умирает, и я пришел, чтобы передать вам его просьбу.

– И что я для него могу сделать? Он хочет покаяться в грехах, чтобы уйти в лучший мир с чистой душой?

– Не совсем, – Роберт замялся. – Мой отец не слишком религиозен, я думаю вы это и сами знаете, но на пороге смерти он несколько переменяет свое мнение.

«Как типично для людей начинить верить во все, что угодно, когда свет для них тухнет» – подумал Амброз.

– И что я могу для него сделать? – повторил он.

– Мой отец хочет, чтобы в последние минуты вы были рядом, – выпалил Роберт. – Он никогда не считал себя верующим и, как сам выразился, «вел жизнь не слишком насыщен-

ную христианскими добродетелями и праведными поступками», поэтому отец считает, что если служитель Бога будет с ним, то у него появится шанс попасть на Небеса.

– Я... не знаю, это явно не в моих силах...

– Пастор, сейчас Альма сидит у постели моего отца. С каждой минутой ему становится все хуже, мы думаем, что рассвета он уже не увидит, и я прошу вас исполнить его последнюю просьбу, утешить умирающего, чтобы он мог покинуть этот мир в умиротворении и покое.

– Что же, если так, то я согласен...

Белая колоратка душила, теперь напоминания не символ служения Богу, а ошейник пса, подчиняющегося пустым обещаниям. Но не смотря на пошатнувшуюся веру, Амброз не мог не откликнуться на просьбу своего прихожанина, даже если он сам больше не верит в то, что будет говорить. Магнер поможет ему уйти с миром и тогда, возможно, слова вновь обретут для него смысл, и вера вернется в его сердце.

В комнате мистера Филча пахло старостью и смертью. Запах пыли и затхлого воздуха смешивался с еле уловимым ароматом корицы и миндаля.

Говорят, что для каждого человека смерть пахнет по особенному. У кого-то она ассоциируется со свечным воском и ароматом могильных цветов, у кого-то с вонью ночных улиц и холодом мокрого асфальта, а для кого-то она навсегда врежется в память сырой землей и разъедающим нос ароматом пороха в окопах Европы. Для Амброза это была корица и

горький миндаль. Первое осознанное воспоминание о смерти приходилось на детство. Тогда умерла его бабушка и после похорон, на которые родители его благоразумно не взяли, подавали сухие печенья с миндалем и корицей. Денег как всегда не хватало, приходилось экономить буквально на всем, даже на памяти об ушедших членах семьи. Люди вокруг мальчика сохраняли горестные выражения лиц, кивали опущенными головами, говорили о том, как им будет ее не хватать, но Амброз чувствовал, что на самом деле все хотят побыстрее уйти, закончить «обязательную программу» и вновь окунуться в круговорот мирских забот и проблем. По всюду в облаченной в траурные цвета гостиной чувствовалось присутствие смерти. Неосязаемая и зловещая, она пронизывала каждый предмет, каждую фразу, каждого человека.

Пастор подошел к постели умирающего и присел на стул, стоящий у его изголовья. Мистер Филч выглядел так, словно уже умер. Бледная ссохшаяся кожа обтягивала выступающие кости и скулы, болезненно худые руки в судороге сжимали одеяло, а бескровные губы были плотно сжаты, так если бы их владелец изо всех сил старался не проронить ни слова.

– Сын мой, ты хотел исповедаться? – проговорил Амброз, приготовившись слушать.

Он уже много раз был на подобных мероприятиях и знал, что будет дальше. Человек раскается, поведав о том как в старшей школе издевался над слабыми, как сбежал от жены

с маленьким ребёнком, бывало и такое, что люди признавались в убийствах, изнасилованиях и педофилии. Они вываливали на пастора все, что копилось у них в душе долгие годы, ведь смысла скрывать что-либо уже не было. Неважно как будут отзываться о тебе потомки, умершим нет никого дела до мира живых, их должно волновать лишь место, куда они попадут после смерти. А вариантов было не так много...

Старик Филч открыл глаза. Мутные зрачки уставились на пастора, и хриплый голос произнес:

– Нет... не хочу... Напротив, не хотите ли покаяться вы, пастор?

– Мне...? Но за что...?

Старик рассмеялся, но уже через пару секунд зашелся в надсадном кашле, выплевывая остатки легких.

– Разве вам не в чем каяться? Разве вы безгрешны?

– Безгрешных людей не существуют, но я не понимаю к чему вы ведете.

– Тогда поклянитесь мне, поклянитесь, что все о чем вы говорите на своих проповедях это правда. Что рай и ад существует.

– Я...я... Я верю, что на все воля Господа и только ему решать куда человек отправляется после жизни, – Амброз даже самому себе казался неубедительным, что уж говорить о таком тертом калаче, как Гарри Филч – владельце нескольких шахт недалеко от Лима.

– Вот ответьте мне, если Бог есть, то почему он позволил

стореть миллионам детей в пожаре Великой войны? Почему он позволил матерям душить своим младенцев, а убийцам не получать кару за свои преступления? Почему наводнения и землетрясения каждый год убивают столько людей, что из их тел можно составить лестницу до самых Небес?

– На все воля Божья и только ему ведом замысел...

– Замысел? Разве Бог замасливал сотни миллионов смертей, подобно какому-то маньяку, чтобы после делить с дьяволом души умерших, как выигрыш за покерным столом?

– Неисповедимы пути Господни, он хочет испытать нас, чтобы укрепить веру...

– Дерьмо! Все это дерьмо! Вы должны меня успокоить, сказать, что через несколько минут я отправляюсь на небеса! Ааа! – плача, прокричал умирающий.

Старик Филч выгнулся дугой, словно через его тело пропустили электрический ток. Руки свились узлами, а костистые худые ноги забили по кровати.

«Началось» – подумал Амброз.

Он уже видел смерть и как никто другой понимал насколько она многолика. Некоторые уходили на тот свет в умиротворении и покое, зная, что вскоре перед ними распахнутся врата Рая, и ангелы сопровождают их в небесные сады к вечной жизни. Другие уходили с трудом. Цепляясь, борясь за каждую лишнюю секунду на этом свете даже, когда их организм уже отказал, и душа держалась в теле лишь благодаря одной воле и желанию жить.

Пастор схватил старика за плечи, пытаясь удержать бьющееся в агонии тело. Конвульсивные судороги скручивали конечности, выворачивали внутренности, глаза вылезали из орбит, а зубы скрипели под натиском смерти.

– Помогите мне, пастор, помогите! Я не хочу уходить, если там ничего нет!

– Господь скоро примет тебя в своих объятиях... ты будешь спасен и обретешь вечную жизнь... – бормотал Амброз.

Мистер Филч завопил. Страшно, зло, протяжно, словно волк, отгрызающий себе лапу. На его губах выступила пена, а глаза окончательно закатились, и были видны лишь сухие белки, покрытые мутной пленкой.

Тело старика стало успокаиваться. Мышцы расслаблялись, руки и ноги опускались на мятые простыни, скрученные пальцы, в судороге схватившие шею Магнера, поникли и опали.

«Конец?» – подумал Амброз.

Он проверил пульс на шее старика и с удивлением обнаружил, что жилка все еще бьется. Слабо, едва ощутимо, но бьется.

– Пастор... – Гарри Филч открыл глаза. Его зрачки прояснились и теперь он смотрел на Магнера. Сухие, потрескавшиеся губы шевелились, произнося последние слова в его жизни.

– Да, сын мой, – Амброз взял ладонь умирающего в свои

руки и легонько сжал. В глазах старика он разглядел необъятный ужас, такой ужас, что породить его могло лишь сознание человека, стоящего у порога смерти, и полностью отдающего себе отчет в том, что спасения нет.

– Мне страшно, пастор... спасите мою душу, я не хочу сгинуть в забвении, ведь там ничего нет... я уже вижу темную бездну, разверзшуюся надо мной... и она тянет меня к себе в свои черные объятия.

– Я...я...

Старик вновь заорал и забился в судорогах. Амброз по прежнему сжимал его руку, слезы катились по его щекам.

Спустя несколько секунд Гарри Филч последний раз дернулся, глубоко вздохнул и умолк навсегда. Его лицо застыло в безумной маске гнева, страданий и безмерного ужаса. Рот сведен, что делало его похожим на гротескные изваяния древних скульпторов, глаза широко раскрыты и устремлены в пустоту над ними, каждая мышца была скручена невыносимой болью, и боль физическая была далеко не главной.

Магнер не помнил как покинул дом. Он очнулся лишь когда оказался посреди темной улицы Лима. Луна скрылась за облаками и тьма полностью властвовала над всем, накрыв пейзаж вокруг непроглядной вуалью тени. Уже на расстоянии вытянутой руки с трудом можно было различить силуэты домов, и Амброз брел вперед, не разбирая дороги, словно вновь был потерян и искал спасения во мрачных переулках Нью-Йорка. На душе было горько и тошно, если бы он

совершил поступок, которого будет стыдиться всю жизнь.

«Но я ничего не сделал, я ничего не мог изменить» – Магнер пытался выбраться из ямы, в которую почти провалился. Сейчас все его естество болталось над пропастью, цепляясь лишь за тонкие корни кустарника, растущего над обрывом.

«Вот именно, что ни сделал! Люди на тебя надеются, а ты можешь лишь кормить их пустыми речами и ложными обещаниями!»

Амброз рухнул на колени. Пыльная дорога с острыми камешками болезненно резала плоть, но ему было все равно. Ни хотелось ничего делать, ни хотелось ничего говорить ни самому себе, ни кому бы то ни было другому. Лишь одно желание обуревало его разум в ту минуту – лежать на земле пока звезды не погаснут, или весь мир не провалится туда, куда всего несколько минут назад отправился Гарри Филч.

Внезапно в нескольких метрах от него вспыхнул огонек. Маленькая искорка со временем окрепла и переросла в ровное красное свечение. Над этим свечением пастор заметил Альфреда Соломонса. Сухопарые тонкие пальцы обхватили длинную деревянную трубку, а комок морщин, бывший для него лицом, с удовольствием выдохнул комок серого дыма.

– Пастор Магнер, присаживайтесь, – старик похлопал по каменному монолиту рядом с собой. Сам он сидел на длинной плите, положив ногу на ногу.

Амброз поднялся с колен и, пошатываясь, побрел к нему. Холод, исходящий от камня, пробирал до костей даже в та-

кую теплую погоду.

– Не смерти боится человек, а забвения. Ему хочется верить, что если ты жил праведно, то попадешь в Рай с вечным покоем. Даже если ты всю жизнь грешил, то Ад с нескончаемыми муками лучше, чем ничто. Нет ангелов, нет демонов. После смерти ничего нет. Пустота, даже ее нет. Конец и только, – старик выпустил облако дыма. Красное свечение усилилось и Амброз понял, что они находятся на кладбище Лима.

Вокруг стояли памятники, надгробия и покосившееся кресты на погостах – все, что осталось от людей, когда-то живших на этом свете. Старик и он сам сидели на могильных плитах, но Амброз не испытывал ни почтения, ни отвращения. Это были всего лишь камни, воспоминания о людях, для которых подобные предметы не значат абсолютно ничего, ведь им уже все равно. Их просто нет.

– Что же делать, как спасти людей, доверившихся мне? Вы ведь тоже были пастором.

Старик усмехнулся:

– Я был пастором и я вновь им стал, я был проповедником, и я вновь он. Теперь я несу людям истину вместо сладких ложных речей, даю им шанс, но помни, люди сами не знают чего хотят и нельзя спасти тех, кто сам этого не желает. Ты можешь попробовать и, возможно, если предложишь нечто ценное, то тебе помогут.

– Как мне это сделать?

– Иди домой, когда нужно будет, ты сам узнаешь.

Магнер поплелся в церковь. Все еще было темно хоть глаз выколи, но он шел на ощупь, шаг за шагом пробираясь к своей цели.

Альфред Соломонс встал с могильной плиты и, улыбнувшись, резким ударом выбил прогоревшие угли из трубки. Все поглотила тьма.

IV. «Воскресенье»

Стук в дверь вывел Амброза из вязкой дремоты, в которой он находился последние несколько часов. Тяжелые звуки ударов с отяжкой отдавались в голове пульсирующей болью, словно огромная рука кузнеца упорно забивала ржавые гвозди прямо в мозг пастора. Серый рассвет пробивался сквозь окно его каморки в дальней части церкви. Лучи падали на лицо, усугубляя и без того паршивое состояние.

«Кого там принесло?» – подумал Амброз, с трудом ставя ноги на пол.

Он лег на кровать в чем был, не раздеваясь, и за ночь полусна одежда на нем измялась. Следы земли на коленях и локтях также не придавали благопристойного вида, но Магнеру было плевать.

– Иду! Подождите секунду! – крикнул он в направлении двери, в которую продолжили сыпаться удары.

В зеркале, висевшем над умывальником, отражался человек в потрепанном одеянии пастора. По землистому цвету заросшего щетиной лица, черным кругам под веками и бо-

лезненному блеску глаз можно было предположить, что слугитель Божий только, что вышел из тяжелого запоя или пережил наркотическую ломку. Амброзу было с чем сравнивать.

Он пригладил волосы водой из умывальника и, проведя мокрой ладонью по лицу, пошел открывать дверь.

– Здесь я, здесь, – пробурчал пастор, распахивая тяжелую дубовую створку.

За ней стояла Сюзи Гривз. Женщина дрожала всем телом, ее красивые рыжие волосы были растрепанны, глаза покраснели, под ними виднелись засохшие дорожки слез. Костяшки пальцев на руке побагровели от ударов по крепкому дереву, в нескольких местах появились алые кровоподтёки.

– Что случилось? – гнилостное предчувствие родилось в низу живота и склизким угрем расплзлось по всему телу. Амброс понял – что-то случилось.

– Дэнни... он... я не знаю где он... он куда то делся, а утром его не нашла... и...

– Проходи, не стой на пороге, – пастор проводил женщину к себе каморку и усадил на единственный стул.

Амброс налил стакан воды для Сьюзен. Ее руки дрожали, и ему пришлось самому поднести сосуд к губам, чтобы она смогла напиться. Когда дрожь немного отпустила, Магнер вновь задал вопрос:

– Что случилось с Дэнни?

– Вчера я снова захотела поговорить с Фрэнком... вооб-

щем мы поссорились и, видимо, так громко разговаривали, что в гостиную зашел Дэнни. Фрэнк к тому же немного выпил и... он поднял Дэнни над полом и начал кричать на него, обвинять меня в том, что он скоро останется без матери. Я, конечно, возразила, сказав, что всегда буду его мамой...

– Сюзи, что случилось с Дэнни? – спросил Амброз твердым голосом. Сейчас нервы женщины напоминали корабельные канаты после шторма, и необходимо было самостоятельно направлять ее мысли в нужное русло, ибо в свободном плавании она будет говорить все, что угодно кроме необходимого.

– Да, да. Джек, видимо, подумал, что Фрэнк захотел причинить вред Дэнни и укусил его за ногу. На самом деле, он не хотел ничего такого, просто разговаривал, может немного резко, но...

– Что с Дэнни, Сюзен?

– Фрэнк был уже порядком взвинчен и... пошел в сарай, принес от туда ружье и застрелил пса прямо на глазах у Дэнни...

– Что дальше? – Амброз начинал терять терпение.

– Дэнни убежал в свою комнату, а я принялась кричать на Фрэнка. Господи Боже, он чуть меня не застрелил, Амброз...

Пастор резко поднялся с кровати и отвесил женщине пощечину. Не сильно, но достаточно, чтобы привести ее в чувство.

– ЧТО С ДЭННИ?! – прокричал он ей в лицо.

– Он убежал к себе в комнату, а когда я зашла к нему утром, то увидела, что его нету, а окно открыто, – Сьюзен хлопала глазами. – Его до сих пор нет, прошедшая ночь была очень темной, ни звезд, ни луны, я беспокоюсь за него.

– ТУПАЯ СУКА! – Амброз вновь отвесил ей пощечину. – Почему ты сразу не сказала?! Вставай, собирай людей, зови шерифа!

«Веревка, фонарик, бинокль... брать или нет, а черт – пригодится»

Амброз метался по комнате, собирая все необходимое для поисков, но заметив, что женщина продолжает сидеть с оловянным видом, сам поднял ее и потащил на улицу.

– Беги по дому, говори всем, что Дэнни пропал. Общий сбор через десять минут у церкви. Ты берешь восточную часть, я западную. Где Фрэнк?

– Ушел на работу еще затемно.

«Ублюдок, все вы ублюдки, не люди...» – подумал пастор, подбегая к двери дома рядом с церковью.

***

Амброз обхватил голову руками. Рыжая глина и серый песок оставляли следы на коже, превращая лицо в уродливую маску. Он надавил, потом еще сильнее и еще, пока ему не начало казаться, что череп сейчас лопнет.

«Не худший вариант»

Все жители Лима вышли на поиски Дэнни, но даже так его удалось обнаружить лишь к вечеру, и то случайно. Мест-

ный шериф – сосед недавно почившего мистера Филча обнаружил следы, едва различимые в сухой, потрескавшейся земле. Цепочка отпечатков вела к краю карьера недалеко от заброшенной шахты, обрываясь у свежей осыпи. Песчаный край пресловутого оврага не выдержал веса двенадцатилетнего мальчика, рухнув прямо под ним. Тяжелые комья глины и земли практически мгновенно заживо похоронили его под собой, и Дэнни задохнулся в тесноте и темноте.

Лопат ни у кого не было, Амброз принялся руками раскапывать осыпающийся песок. Он остервенело загребал руками землю, не замечая, как ломаются ногти, а острые камни ранят пальцы. Спустя пару минут из под грязно-желтой почвы показалось лицо. Полузакрытые глаза мальчика были засыпаны песком, а рот, открытый в беззвучном крике, забит грязью.

Похоже, после гибели своего друга Дэнни пошел гулять, как делал это уже много раз во время ссор своих родителей. Из-за необычно темной ночи он не заметил, как забрел к оврагу, остановившись у самого края. Именно в этот момент баланс природы нарушился и склон рухнул. Какое безумное стечение обстоятельств, настоящий рок, неумолимый и беспристрастный. Ему не важно кого карать будь-то старик, доживающий свои последние дни или маленький мальчик, которому только предстоит познать все прелести и невзгоды жизни.

Когда тело Дэнни извлекли из песчаной усыпальницы,

внимание Амброза привлек предмет, зажатый в покрытых землей пальцах. Убрав комья грязи, стало понятно, что это было примитивное деревянное распятие. То самое распятие, которое пастор вырезал собственными руками несколько дней тому назад и после передал Дэнни. Похоже, во время трагедии он гулял, снимая в своих руках крест, а после уже не мог его выпустить так, как земляной плен сковал его члены. И сейчас это облепленное рыжей глиной распятие лежало прямо перед Амброзом, насмехаясь над тем, кем он был.

Магнер не понял каким образом сумел провалиться в сон. Память, как обычно, не сохранила последние минуты бодрствования, но сны, преследовавшие его тогда, он запомнил во всех подробностях.

Фрэнк Гривз сидел на своем темно-зеленом кресле в гостиной дома и смотрел на огонь в железной печи перед ним. Амброз не знал, где он точно находится, его взгляд блуждал по сновидению, выхватывая отдельные образы. В неподвижных глазах Фрэнка отражалось пламя, а губы произносили слова, словно над самым ухом пастора.

– Кукла на веревочке, пляшешь за кафедрой на проповедях, словно безвольный манекен, исполняя волю воображаемых существ... Твои слова подобны возгласам чертика из табакерки – такие же пустые, но сказанные в нужное время...

– Нет! Я пытаюсь помочь! – выкрикнул Амброз, вернее попытался выкрикнуть, но в кошмарах мы немые и беспомощны.

– Помочь, помочь... Ты же сам понимаешь, что это бессмысленно, пустые обещания порождают пустые надежды... – губы Фрэнка продолжали шептать, но пламя теперь исходило из самих черных зрачков глаз. – Ты несешь гибель всем, кто доверился тебе... я сам позабочусь о своей семье... они всегда будут со мной...

Тьма скрыла гостиную и перед взором пастора всплыло лицо, обрамленное грязно-рыжей бородой.

Генри лежал ничком на полу, из его рта стекала белая пена, скрюченная рука конвульсивно сжимала бутылку с виски. Внезапно он начал медленно поворачивать голову в сторону Амброза. Шейные позвонки трещали и ломались, но он не замечал этого. Когда хруст стих, его лицо оказалось прямо перед лицом Магнера. Он заговорил хрипло и неразборчиво, душа пастора смрадным дыханием.

– Почему ты не помог мне? Я просил о помощи, но что сделал ты? Ничего! Лишь пустые слова... – во время этого из его рта продолжала идти пена, она покрыла рыжую бороду и теперь клоками падала на грязный пол. – Из-за тебя, из-за тебя я превращаюсь в это! – грязный палец уставился прямо в лицо Амброзу. – Ты во всем виноват!

Все завертелось в безумном калейдоскопе цветов, на небе взошли звезды и тут же погасли. Магнер плавал в абсолютной тьме.

...Здесь так страшно, так страшно! Пустота, темная пустота!...

Амброз узнал голос старика Филча. Как и прежде, он не мог говорить и оставалось лишь слушать.

...Почему ты не помог мне!? Здесь нет ни рая, ни ада, только пустота и я растворяюсь в ней! Ты обещал мне вечную жизнь, но я получил лишь забвение! Ты виноват в этом, ты!
...

Эхо крика постепенно стихло, и Амброз вновь ощутил свое тело. По прежнему было темно, но теперь он чувствовал, что стоит на твердой земле. Теплый ветерок обдувал его руки, но паника не отпускала утомленный разум. Впереди слышались шаги. Тихие, легкие, почти неосязаемые. Вскоре пастор услышал шепот:

– Господи, помоги мне. Сделай так, чтобы мама с папой больше не ругались, сделай так, чтобы Джек попал в рай. Он был хорошей собакой и заслуживает этого. И еще... – шаги остановились. – Помоги всем жителям Лима, сейчас у нас трудные времена, и мы надеемся на тебя.

Вновь послышался стук детских башмачков по высохшей земле, пастор понял, что сейчас произойдет и попытался закричать. Он руками стал раздирать губы, десна и намертво сомкнувшиеся зубы, но не мог выдать ни слова.

– АААААААААААААА!

Послышался детский крик, наполненный страхом, смешанным с удивлением, через секунду грохот осыпающейся земли и шуршание тонн песка заглушили его. Все смолкло.

Магнеру так и не удалось выдать из себя ни звука. Те-

перь он стоял на коленях и плакал, вокруг клубилась тьма. В его ушах до сих пор метался крик и грохот обвала, оседающая песчаная пыль царапала кожу.

Непроглядный мрак подернулся зеленоватой дымкой. Слабо фосфоресцирующее темно-болотное марево поднялось от земли и зависло где-то высоко так, что не было видно конца. С каждой секундой свечение все усиливалось, и вскоре оно приобрело вид барьера, отделяющего Амброза от нечто, притаившегося впереди.

Пастор поднялся с колен и неровной поступью двинулся к колышущейся стене болотистого тумана. Она представляла собой преграду сквозь которую можно было разглядеть происходящее по другую сторону. Словно через кривое зеркало взору предстали извивающиеся тени гигантских аспидоподобных существ, монструозные силуэты громоподобной поступью шествовали за стеной тумана, цвета переливались неземными оттенками, а голоса шептали разом, от чего разобрать что-либо было совершенно невозможно. В один момент Амброзу показалось, что на него с другой стороны уставился гигантский глаз без век и белками багрово-красного оттенка. Через секунду видение растворилось в дрожащей ряби, если бы он наблюдал за всем через гладь мутного озера.

Магнер стоял, уперев руки в барьер на ощупь холодный, словно лед в Антарктике, и смотрел сквозь него за циклопическими утесами, возвышающимися к самому «небу». Мон-

струозные скалы двигались, плывя по пустынному размытому пейзажу. Неба в привычном понимании там не было, его заменяла гигантская воронка. Она неумолимо вращалась над головой, вызывая первобытный страх, заложенный в людях, когда человечество только расселялось по земле. Алые края воронки к центру темнели, становясь гигантской черной дырой в которой сверкали редкие чужие звезды.

...Ты пришел...

Многочисленные шепотки смолки, уступив место одному. Было трудно назвать *это* голосом, звук, складывающийся в слова, напоминал бульканье древней трясины, в глубине которой таилось нечто неведомое.

...Мы ждали тебя... Чего ты хочешь?...

Амброз понял, что вновь может говорить. Паралич, сковывающий его губы, прошел, не оставив после себя и следа.

– Я хочу помочь моим прихожанам! Хочу чтобы они больше никогда не страдали, жили в счастье и радости. Чтобы не чувствовали боли и не знали горя! – прокричал Магнер сквозь зеленоватый барьер.

...Жизнь и есть страдания и боль, пастор, тебе ли не знать это... – проклокотала бездна.

– Ты можешь сделать так, или нет!?

...Какова твоя плата...

– Чего ты хочешь? – выкрикнул Амброз.

...Ты был проповедником, так будь им и впредь, но теперь носи нашу волю и наше слово другим. Отрекись от того, кем

был раньше, отрекись от любви, жизни и смерти...

– Я согласен, – Амброз закрыл глаза. – Я уже это сделал...
– прошептал он одними губами.

Пастор Магнер очнулся на полу церкви. На удивление, голова была ясной и свежей, мысли мерно двигались по сознанию, и он точно знал, что надо делать, словно за эти краткие часы удалось отоспаться за долгие месяцы бессонницы и ночных кошмаров.

Необходимо было привести себя в порядок так, как через час жители Лима должны были прийти на проповедь. Ее перенесли с утра на вечер из-за трагедии, но отменить никто не пожелал.

Отлично, ведь тьма больше не помеха для пастора.

Магнер умылся, очистил черное одеяние от грязи и пыли, но колоратку одевать не стал, ведь пустые символы пустой веры больше его не волновали. На улице уже сгустились сумерки, и в церковь начали прибывать жители. На их лицах читалась подавленность и было видно, что в храме они надеются получить утешение и помощь.

«Я дам им это. Они даруют это» – подумал Амброз, вставая за кафедру.

Многие были в траурных одеяниях, ведь в последнее время произошло так много несчастий. Когда все собрались, он начал говорить спокойно и размеренно, как всегда делал это на проповеди.

– В последнее время жители Лима сполна вкусили неумо-

лимого рока, столько бед и горя обрушилось на наше поселение, что многие бы отчаялись и потеряли веру, – все присутствующие подняли головы и смотрели на пастора. – Но мы устояли. Мы продолжали усердно молиться и возносить почести Господу.

Собравшиеся кивали, Фрэнк обнял жену, кто-то тихо заплакал.

– К сожалению, все наши мольбы остались не услышаны, и лишь пустота была нам ответом. Мы обращались к пустым идолам и не стоит удивляться тому, что мы получили *ничто* в замен.

В зале послышались удивлённые перешептывания.

– Ради своей паствы, ради вас я пожертвовал всем, но взамен обрел истинную веру, и сейчас я явлю вам ее силу!

Зеленый туман заструился из под кафедры. Он склизкими щупальцами расползлся по полу, обвиваясь вокруг каждого из людей. Прихожане вскакивали и начинали вопить, пытаясь стряхнуть с себя призрачное марево. Паника объела жителей Лима. Кто-то бросился к двери церкви, но не дойдя нескольких шагов, остановился на негнущихся ногах. Конечности словно приросли к деревянным доскам пола, если бы они были их продолжением. Зеленое свечение поднималось все выше и тело под ним превращалось в твердую корку.

Амброз раскинул руки в стороны и улыбался. Он был счастлив. Люди, доверившиеся ему, теперь спасены, до них не доберется ни горе, ни боль этого мира, они больше нико-

гда не испытывают страдания и утраты.

Туман окутал людей по пояс. Их ноги превратились в корни, а туловище приобрело вид гибкого ствола дерева с темной корой.

Сумерки за окном в одно мгновение сменились непроглядной ночью, затем утром и днем, и вновь опустилась тьма. Реальность рвалась, словно гнилая тряпка.

Свечение поглотило прихожан по грудь, обратив легкие и сердца во влажную древесину. Их рты были раскрыты в немом крике.

Туман полностью заволок зал. Зеленоватое марево несколько секунд клубилось под потолком, но вскоре сползло на пол, распалось на клочки и растворилось в неровном свете свечей.

Амброз осмотрел помещение. Теперь оно напоминало сад, наполненный гротескными деревьями, выращенными садоводом декадентом. Некоторые стояли одни, скрючившись в муках, другие переплелись ветками, не желая быть в одиночестве. В церкви запахло свежей зеленью и жизнью. Листва распустилась из мгновенно набухших почек, где-то сочно зеленая, где-то тускло-серая.

Магнер, пробравшись сквозь сплетение веток, корней и стволов, вышел на улицу. На душе было легко и просто. Наконец все встало на свои места. Теперь он действительно мог помочь людям. Возможно, не так, как сейчас, ведь это была лишь первая попытка, но со временем он постигнет все тай-

ны, откроет любые чертоги, чтобы добраться до сокровенных знаний, сокрытых за туманным барьером.

Здесь его работа сделана. Пастор поправил пиджак, удобнее перехватил старый дневник в потертом переплете из странной маслянистой кожи и двинулся вперед.

Его ждал длинный путь по следам загадочного человека в черном, приоткрывшим для него завесу мудрости, ставшим превратном у врат неведомой силы.

Он покидал Лим не тем пастором, что прибыл сюда. Амброз явился в поисках Бога и, наконец, обрел его, правда не в том облики, что желал раньше.

9 ноября 2019.

При оформлении обложки использовались инструменты, находящиеся в свободном доступе на [Canva.com](https://www.canva.com)